

УДК 94(47+57)
ББК 63.3

С.В. ХОМЯКОВ

**НОВЫЙ БЫТ СТАООБРЯДЦЕВ БУРЯТИИ:
«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ»?
(1930-е годы)***

Ключевые слова: Отечественная история, старообрядчество, Бурят-Монгольская АССР, советская власть, коммунистическая идеология, атеистическая кампания, колхозное строительство, культурная революция, «советский человек», новый быт.

Утверждение советской власти в Бурятии явилось очередным и наиболее болезненным фактором упадка образа жизни одной из проживающих здесь общностей – старообрядцев. Появившись в регионе во второй половине XVIII в., они сумели сохранить свою религиозную идентичность и культурную специфику, хотя уже в начале XX в. исследователи отмечали тенденции отхода от наиболее ортодоксальных традиций и разрыва поколенческих связей. В 1920-х гг. большевики умело поддерживали волну протеста молодежи против власти родителей, желание поменять свою жизнь, выйдя из пределов замкнутой общины, а также представление о быте старообрядцев (построенном вокруг основы их идентичности, древлеправославной религии) как о темном и безнадежно устаревшем. Уже в 1930-е гг. сводки главной газеты республики – «Бурят-Монгольской правды» – рапортовали о новой счастливой жизни не только молодых, но и пожилых старообрядцев, оставивших религиозные предрассудки и в первых рядах строящих советское общество в селах Бурят-Монголии.

Статья рассматривает вопрос о том, чем было обусловлено такое изменение в менталитете людей: идеологической победой советской пропаганды или социально одобряемым поведением (включающим в себя случаи активного и продолжение общего пассивного сопротивления новой жизни)? Отсюда с учетом стремления нынешних старообрядцев к возвращению и развитию старых традиций ставятся задачи анализа внешних (бытовых) изменений 1930-х гг. в трудовой жизни и поиска попыток сохранения (для дальнейшей преемственности) идентичности социальной группы.

Объектом исследования является старообрядческая общность части бывшего Верхнеудинского уезда (с 1930-х гг. – Тарбагатайский и Мухоршибирский аймаки Бурят-Монгольской АССР), предметом – идеологические, культурные и религиозные процессы, протекавшие в их среде в обозначенный период.

В качестве краткого вывода следует, что продолжавшаяся в 1930-х гг. идеологическая кампания в Бурят-Монголии носила в старообрядческих районах формальный характер, состоявший в принятии изменений уклада жизни при сохранении основ религиозной идентичности.

Старообрядческое население Бурятии в 1900–1930-х гг. было предметом внимания ученых в различные временные периоды. Наиболее глубокий анализ разнообразных сторон их жизни провел А.М. Селищев [17] в 1919–1920 гг., сделав вывод о начале упадка традиционных форм бытования и назревшем переустройстве. В качестве основного помощника здесь он видел земские органы власти. Советские исследователи А.М. Попова и А.А. Долотов [16, 15] с чисто идеологических позиций соотносили происходившие изменения с практикой коммунистического воспитания, а этнограф А.Н. Добромыслов [5] в своих работах был сосредоточен на описании исчезающих сторон быта семейских старообрядцев. Из всех современных ученых необходимо особо выделить оценку

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

Ф.Ф. Болонева [1], считавшего 1930-е годы катастрофой, выразившейся в крупнейшем сокращении населения всех старообрядческих сел Тарбагатайского района вследствие политики раскулачивания.

Важное значение для работы имели докладные записки Бурят-Монгольского обкома ВКП (б), протоколы заседаний райисполкомов и сельских советов, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Иркутской области, а также некоторые сведения о семейской обрядности из годовых отчетов деятельности Бурятского института общественных наук СО АН СССР, находящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Они позволили на конкретных примерах рассмотреть изменившееся положение старообрядцев в 1930-х гг. и их реакцию.

Для достижения цели и поставленных задач в работе нашли свое применение сравнительно-исторический и историко-генетический методы. Первый из них, сопоставляющий стороны явлений и выявляющий общее и особенное, был необходим при анализе изменений в различных областях быта старообрядцев 1930-х гг., второй, изучающий эволюцию явления во времени, использовался, в частности, при сравнении отношения старообрядцев к обучению в школах в конце 1910-х гг. и в 1930-е гг.

Старообрядцы-«семейские» были переправлены в Забайкалье в 1760-х гг. из восточных пределов Речи Посполитой (после «прогонки» конвоем по территории империи и оседания отдельных их групп на Алтае) в составе нескольких партий, состоявших из больших семей. «Правительство Екатерины II усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает» [1. С. 47]. Ко времени второго десятилетия существования советской власти в регионе (примерно через 170 лет) они продолжали представлять значительное число сельского населения, проживающего на берегах р. Селенги и в долинах поблизости от нее, а также недалеко от столицы Бурят-Монголии – городе Верхнеудинске.

Между ними существовала разнородность условий сохранения обособленной жизни, выражающаяся в наличии многочисленных толков в старообрядческой среде. В отдельных поселениях, как правило, бытовали согласия поповцев, безпоповцев, темноверцев и т.д. либо несколько согласий в одном крупном селе (Тарбагатай). Следовательно, можно говорить о неодинаковом по времени упадке религиозной и культурной синкретической основы. Еще до прихода коммунистов нельзя назвать здешние общины прежними оплотами строгого религиозного и обрядового консерватизма (какими они, безусловно, были в конце XVIII–XIX вв.). Об этом говорили исследователи А.М. Селищев (изучал диалекты, религию и культуру в конце 1910-х гг., отмечал искажение молодежью понимания сути религиозного праздника, общий нравственный упадок) и А.Н. Добромыслов (бывший в поселениях семейских в 1900-х и 1920-х гг.): «Курящих из семьи дома мы не видели, но когда выехали, то дорогой, везший нас взрослый сын хозяина, вытащил из-за пазухи кисет и закурил. На вопрос, разве он курит, он ответил: “курим потихоньку, чтоб родители не видели. Угождаем им”», «...но вот как говорят многие: “обычай-то, которые уже успели и позабыть, а веру в бога храним”, или “... обычай-то забыли, но веру в бога не тронь”» [6. Д. 961. Л. 8, 22].

Тем не менее именно советская («антихристовая») власть кардинально отличалась от прежнего соглашательства окружных исправников с автономной

жизнью и замкнутостью старообрядцев. Она декларировала политику коренного переустройства их жизни, «добровольно-принудительного» вовлечения в практику строительства нового общества. Это происходило посредством борьбы с запретительной спецификой древлеправославной религии и действительно прогрессивного преодоления страха перед официальной медициной и образованием. На практике такая политика (учитывая и явный положительный эффект от культурной революции по истечении десятилетий) одновременно нанесла непоправимый ущерб идентичности старообрядцев. Были ускорены темпы вялотекущей трансформации старообрядческой религии в комплекс наслоения разнообразных обрядовых правил и заговоров, уже более культурно-ориентированных. Они продолжались тщательно исполняться (по убеждению строгой необходимости), но без внятного объяснения их сущности. Например, элементы празднования Троицы, похоронный обряд с омытием покойника из дырявого таза [19. Д. 212. Л. 38], поминки и так далее. Элементы оригинальной культуры, в свою очередь, также умирали вместе со старшим поколением. Симпатии молодых старообрядцев к проводимой атеистической пропаганде и прямое непослушание родителям, являющееся само по себе немаловажным фактором упадка общности («мы тоже спать любили, да бога знали и родителей боялись, а теперь кого – ты сынам слово, а они тебе два – поучить вздумал, так сдачи жди») [6. Д. 961. Л. 23], во многих случаях прерывали многопоколенную преемственность сокровенных традиций, которые со временем забывались полностью.

В итоге, несмотря на очевидные трудности, советская власть в Бурят-Монгольской АССР в начале 1930-х гг. заявила о идеологической победе над старым старообрядческим бытом, искорененным в союзе с молодежью, за которой пошли и остальные. Об этом говорилось в контексте общесоюзной победы социализма и начала колхозных преобразований посредством тенденциозных статей в газетах: «Тарбагатай. Трудящиеся района с большим воодушевлением заслушали по радио доклад вождя народов товарища Сталина. В машинно-тракторной станции, кроме трактористов и инженерно-технических работников, доклад товарища Сталина слушали члены семей. Колхозники и колхозницы, делясь впечатлениями об историческом докладе великого Сталина, заявляют о своих чувствах радости и гордости, о своем счастье жить и работать в сталинскую эпоху и своей безграничной любви к вождю народов великому Сталину» [4. С. 3].

Практически одновременно в соседнем с Тарбагатайским Мухоршибирском аймаке старообрядцы бунтуют и активно сопротивляются власти (чего здесь не было за поколения жизни людей в императорской России): «Старообрядческое население района, составляющее до 70%, является консервативным, религиозно-фанатичным и отсталым. Здесь сказывалось влияние старообрядческого кулачества и духовенства. За последние годы в районе имел место целый ряд контрреволюционных выступлений. Особо выделяющимися из них являлись: вооруженное контрреволюционное выступление в марте 1930 г., которое охватывало целый ряд старообрядческих сел (Новый Заган, Бильчир, Мухоршибирь, Ново-Заганское и другие). Банда организовалась в количестве 200 человек, в марте 1931 г. вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация. В организации состояло членов 205 человек. Организацией были охвачены тоже старообрядческие села (Шаралдай,

Гашей, Заган, Хара-Шибирь, Мухор-Шибирь и другие), вооруженное контрреволюционное выступление в августе 1931 г. В контрреволюционном выступлении участвовало 620 человек. Организация охватывала те же старообрядческие села» [7. Д. 2563. Л. 34–36].

Указанная ранее религиозная неоднородность, а отсюда большая или меньшая устойчивость внутрикультурных и семейных традиций позволяют говорить и о неодинаковом отношении к советской власти среди самих старообрядцев. Это могло выражаться либо в сотрудничестве с властью или нейтрально-лояльном отношении к проведению политики партии, либо в попытках открытой борьбы. В первом случае шла популяризация в газетах и научных работах того времени, что зачастую подчеркивало общий порядок во внешней стороне новой жизни (старообрядцы освободились от религиозного дурмана), хотя и продолжались неурядицы на местах (значительная часть семейского населения не выходит на работу в дни религиозных праздников и т.д.).

Перейдем к конкретным примерам некоторых наиболее видных сторон изменившегося быта и реакции старообрядцев на эти изменения к концу 1930-х гг. Значительным успехом культурного переустройства здесь, как и по всей сельской местности республики, советские органы власти считали полный охват семейских сел пунктами ликвидации безграмотности. Кроме факта о том, что темпы обучаемости взрослых здесь и в 1939 г. существенно отставали от общереспубликанских, главным образом качественный аспект учебы имел существенные проблемы. Мухоршибирский аймак: «По аймаку охвачено обучением из 1634 человек неграмотных 1229 человек, из 1628 человек малограмотных 568 человек, работает 72 ликпункта, 159 культурмейцев. Прикрепленные по участкам и колхозам руководители аймачных организаций и учреждений в селе Мухоршибири, а также на местах массово-разъяснительной работы среди неграмотных и малограмотных работы не ведут. Исходя из вышеизложенного президиум аймисполкома постановляет: Обязать председателей сельсоветов, председателей правлений колхозов и АймОНО немедленно уточнить по отдельным колхозам число неграмотных и малограмотных и обеспечить в трехдневный срок 100% охват обучением неграмотного и малограмотного населения. За безответственное отношение к работе ликбеза, за очковтирательство президиуму аймисполкома по вопросам завершения ликбеза строго предупредить председателя правления сельскохозяйственной артели им. Кагановича товарища Овчинникова» [8. Д. 131. Л. 24–25].

Как видно, по крайней мере в старообрядческих поселениях, ситуация с ликбезом в 1939 г. была примерно на уровне тезисов праздничной резолюции Бурят-Монгольского обкома ВКП (б), выпущенной еще в 1932 г., и существенно отставала от подразумеваемых ею перспектив. «К моменту Октябрьской революции грамотность нашего населения выражалась в 10%. Ко дню 15-летнего юбилея – грамотность активного возраста составляет 84%, завершено осуществление начального всеобщего» [3, с. 2]. С одной стороны, такое отставание от заявленной еще в начале 1930-х гг. картины имеет смысл объяснить объективными и общими для всех сельчан причинами. Каждодневные проблемы выполнения главной партийной задачи по завершению колхозного строительства, требования внедрения методов социалистического соревнования и ударничества по сбору зерновых культур, сенокосения, лесозаготовок часто делали вопрос «окультуривания» и обучения взрослого населения формальным.

Его отходу на второй план способствовал и строгий общественный контроль (с порицанием через «Бурят-Монгольскую правду» и практически поименными списками отстающих руководителей). Жизненные условия расходились с общими формулировками резолюций ВКП (б): «Пятилетний план развития народного хозяйства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня трудящихся масс города и деревни, развитие национальной культуры народностей СССР и увязывать план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемой части общих планов нашего социалистического строительства» [18. С. 188].

С другой стороны, характерные черты ликбеза у старообрядцев (серьезный недостаток в целенаправленной качественной работе у организаторов и слабая отдача от обучаемых даже к концу 1930-х гг., при общих, в целом удовлетворительных цифровых показателях охвата) открыто говорят о внешнем принятии взрослым населением проводимых мероприятий (в отличие от изначально враждебной позиции в 1920-х гг.). По факту наблюдаются нежелание приобрести новые знания и навыки чтения и письма, фиксируется попустительство со стороны сельской власти (в большинстве случаев выходцев из местной среды либо чужаков, постепенно адаптировавшихся к реалиям). Это является следствием проявления черты изолированного сообщества – отрицания внешних навязанных нововведений, а также вариантом пассивных попыток сохранения жизни «по-старинке», в данном случае негативной стороны сложившейся старообрядческой идентичности.

Иная ситуация в 1930-е гг. прослеживается в осуществлении следующей поступательной задачи культурной революции на местах – целенаправленного и повсеместного обучения детей старообрядцев в построенных за два десятилетия школах. Одновременно с материальным строительством шло преодоление сложившегося представления о гражданском образовании как о чем-то лишнем и разрушительном. Это касалось в основном старейшин сел и ведомых ими родителей: «...мы боимся, – говорили нижежиримские старообрядцы инструктору, – что нас обманут и насильно потом принудят к тому, что нам не нравится» [17. С. 11]. В большинстве случаев еще в 1920-е гг. дети ограничивались навыками чтения церковных текстов у уставщиков. Отсюда и репрессии в отношении практически всех старообрядческих уставщиков, закрытие церквей и моленных домов в селах Тарбагатайского и Мухоршибирского аймаков в 1930-х гг. представляются не только войной с религией, но и устранением препятствующего конкурирующего элемента по влиянию на молодежь.

Надо сказать, что у многих родителей к 1920-х гг. был незначительный запрос в получении для детей более разносторонних знаний. Однако это выражалось либо в рассуждениях о том, что в школах учителя-старообрядцы должны в первую очередь возвращать любовь к Богу, а потом уже учить гражданской грамоте, либо в обращении к частному преподаванию: «Как ни дают уставщики, все же некоторые стремятся научить своих детей и, минуя школу, отдают их частным, убогим учителям. Так, например, в селе Надеине. В этом селе имеется земская школ. И все же в школе всего 6 человек. Между тем, у домашних учителей за особую плату обучается около 40 детей и подростков» [17. С. 12]. Явный же запрос в образовании был у самой молодежи: «Да все старики виноваты, – грех, – говорят», «...без училища мы как без глаз» [17. С. 13].

Каковы краткие изменения в существующей ситуации за 15 лет? К 1935 г. в старообрядческих районах советская власть при наличии сильного кадрового

дефицита учителей объективно провела качественную работу по созданию минимальных условий для обучения детей. Это видно по статистике в Тарбагатайском аймаке за 1935 г.: «В работе школ имеются некоторые сдвиги: переход на твердое расписание, борьба за чистую и грамотную тетрадь, занятия с отстающими учениками, хорошо организованы горячие завтраки (Горхон, Бурнашево, Большие Ключи). Наряду с этими достижениями имеются значительные недочеты: из подлежащих всеобучу детей учится на 1 января 1935 г. – 82%, не уделено достаточного внимания коммунистическому воспитанию: организовано только 6 отрядов, слабо организована воспитательная работа, родители не вовлечены школой в совместное воспитание детей, району не имеет точного учета отсева учащихся» [9. Д. 934. Л. 8–8об.]. К концу же 1930-х гг. статистическая ситуация позволяет говорить об осторожном оптимизме: «Всего школ в аймаке на 1 января 1938 г. числится 18. В школах оборудования, наглядных пособий недостаточно, учебников, школьно-письменных принадлежностей хватает. В крупных школах нет предметных кабинетов (физических, химических, биологических и т.д.). Посещаемость учащихся по школам в разрезе учебных годов 1934–1938 гг. – с 90,6% по 96,3%. Количество учащихся по годам в школах Тарбагатайского аймака с 1934–1938 гг. – с 2079 по 3730 человек» [10. Д. 2973. Л. 29].

Повышение посещаемости учениками школ объясняется как давно назревшим запросом молодого поколения (и части их родителей) на получение знаний и возможностей менять свою жизнь, так и растущей неактуальностью такого распространенного ранее аспекта старообрядческой идентичности, как понимание греховности образования. Поэтому в проблеме отношения детей и молодежи к школе (в отличие от борьбы с безграмотностью у взрослых) не прослеживается переход к формализации процесса ради мирного сосуществования с окружающей действительностью. Вместе с тем необходимо учитывать и сообщения о плохой работе по коммунистическому воспитанию детей семейских. Так как именно оно должно было стать ядром и конечной целью культурной революции для всего советского населения, о чем уже в 1970-е гг. говорил Л.И. Брежнев. «Задача состояла не только в том, чтобы научить людей читать и писать. Надо было утвердить новую, социалистическую идеологию во всех сферах духовной жизни общества. Надо было подготовить свои советские, высококвалифицированные кадры» [2. С. 88].

Принимая во внимание указанные факты в школах аймака, сложно назвать переворот в вопросе образования чисто идеологической победой пропаганды. Вернее будет заключить, что стремление к получению знаний для большинства учеников быстро нашло компромисс с необходимостью «увязать его в пионерский галстук».

Наконец, помимо задачи обучить взрослых и молодых значительные внешние изменения в 1930-е гг. претерпела трудовая жизнь семейских. Именно в этой области наиболее отчетливо проявилась слабость идеологических установок в работе с «семейским» населением. Уже длительное время в их среде существовала тенденция отказа от строгого контроля бытовых сторон жизни (запреты курения, питья алкоголя, бранобрития и т.д.), а также ломка внутриобщинного недоверия к просвещению и медицине. Эти табуированные практики являлись периферией идентичности, закономерным следствием религиозного отличия, необходимого для сохранения сообществ на этапе появления в Забайкалье и ранее. Потому постепенное их ослабление

(с жизнью каждого нового поколения) еще до вмешательства советской власти, а особенно после (в 1920-х гг.), – явление неизбежное.

В 1930-е гг. шел процесс вторжения уже в сам домашний и хозяйственный уклад старообрядческой семьи, обобществления имущества массово ссылаемых кулаков и уставщиков, объединения оставшихся в колхозы, комсомол и партию. К этому добавлялась и антирелигиозная повестка считать обычными днями праздники Пасхи и Троицы, закрывать церкви и молитвенные дома «по просьбам» самих верующих [11, 12]. Но если не брать в расчет идеологическую позицию имеющих в каждой среде активистов, остальные не видели смысла в прежнем использовании помещений, так как оставались без духовных наставников. Такими методами коммунисты наносили удар по ядру идентичности старообрядцев – практике повседневной религиозности, а также по устоявшейся еще с XVIII в. политике невмешательства властей во внутреннюю жизнь сообществ (если это не касалось вопросов вероучения).

Успехи строительства «нового быта» в 1930-х гг. были скромными, а противодействие и попытки сохранить старое – более настойчивыми. Пример из Мухоршибирского аймака в 1932 г. «В районе “семейские” составляют 53,6%. Если район коллективизирован на 46 %, то в “семейских” сельских советах, селах имеется 23 колхоза с 711 дворами, что составляет 16,9 % к общему числу хозяйств “семейских” сельских советов и сел. По отдельным сельским советам процент коллективизации еще ниже, например: Хонхолой имеет 940 дворов, коллективизировано 4%, Никольск имеет 720 дворов, коллективизировано на 7%» [13. Д. 2106. Л. 56].

В Тарбагатайском аймаке похожая ситуация была и в 1935 г. «Район является культурно отсталым. Большую половину населения составляют старообрядцы, которые в силу своей консервативности и религиозного фанатизма в отдельных случаях проявляют активный саботаж проводимым хозяйственно-политическим кампаниям. За последние два года наблюдалась в широких размерах самоликвидация единоличных хозяйств и выезд их в город на производство» [7. Д. 2563. Л. 50–51]. Действительность ситуации подтверждается рассказом двоюродного дедушки автора статьи, Хомякова Василия Ивановича, чья семья в 1930-е гг. смогла в полном составе переехать из с. Надеино в г. Улан-Удэ, не желая вступить в колхоз.

В дальнейшие годы ситуация с колхозными преобразованиями у семейских изменяется, растет производительность бригад, меняется облик сел: «Особенно большой сдвиг имеется в работе по благоустройству села Большой Куналей, где на протяжении 6 километров проложены тротуары, приступили к мостовым, организован сад, в котором посажено 1000 деревьев; приступили к электрификации 180 изб колхозников, колхозами приобретено на 1200 руб. портретов вождей. Оборудованные культурные полевые станы Тарбагатайского района являются лучшими в республике» [14. Д. 2586. Л. 63]. Однако имеет смысл объяснять такие изменения привычкой природного трудолюбия (зачастую, трудоголизма) старообрядцев, переоценкой прежнего критического отношения к техническим и культурным новшествам в своем быте, а также неизбежно происходившим примирением к совершившейся реальности.

Идеологическая подоплека проводимых кампаний часто старообрядцами игнорировалась, несмотря на то, что в 1930-е гг. вступало в силу поколение 1900–1910-х гг., которое в свое время, «заразившись новыми взглядами, поет революционные песни» [16. С. 20]. Тяжелый труд на полях, удовлетворение

запроса на изменение нужных молодежи сторон быта (образование, личная свобода), создание собственных, независимых от старейшин семей не имели для них привязки с дальнейшей целью появления человека новой формации. «Влияние и руководство всей массой молодежи ячейки не осуществляют, имеются выходы из комсомола (Хонхолой, член ВЛКСМ Брылева заявила о выходе по мотивам “некогда посещать собрания”. Член ВЛКСМ Мошин – тракторист, хотел выйти из комсомола по мотивам “делать нечего в комсомоле”). Рост комсомольских ячеек неудовлетворительный. Руководство райкома комсомола не является еще таким, чтобы оказать помощь практическим ячейкам, показать, как вести работу. Работа среди “семейской” молодежи не ведется» [13. Д. 2106. Л. 57].

Наконец, важнейшая часть советской идеологизации – атеистическая кампания, активно боролась с наиболее явными атрибутами религии в 1930-е гг. Однако она продолжала оставаться малоэффективной в области бытовой религиозной привычки, там, где старообрядцы привыкли передаваемыми знаниями и преданиями: «Вот характерность состояния работы колхозов Хараузского сельского совета. Трудовая дисциплина в ряде колхозов неудовлетворительная, как правило во всех колхозах, в связи с приближением пасхи работали “кое-как”. Колхозники были заняты помощью (главным образом подвозкой воды), жена – мытьем домов (обычай “семейских” мыть с улицы стены домов еще не снизился). Уборка к пасхе занимала целую неделю всю семью колхозников. Даже был такой факт: председатель колхоза “Пятилетка” (Харашибирь) уехал с районного съезда колхозов для помощи жене в уборке к пасхе» [13. Д. 2106. Л. 56].

Таким образом, реакция населения старообрядческих районов на проводимые здесь общесоветские преобразования в сельском хозяйстве и культурной жизни в 1930-е гг. не позволяет говорить о чисто идеологическом успехе коммунистической пропаганды. Она склоняет считать внедрение (и развитие самими семейскими) нового быта не только стремлением к лучшей жизни, но и каналом адаптации, позволяющим сохранять, насколько это было возможно, сердцевину своей идентичности – элементы религиозной и культурной традиции, преемственность с событиями прошлого.

Выводы. 1930-е годы объективно стали наиболее тяжелыми и переломными для исторической судьбы старообрядцев в образованной не так давно Бурят-Монгольской АССР. Продолжился выход на поверхность противоречий устоявшегося уклада жизни, которые выразились в конфликте авторитета родителей, остающихся на ортодоксальных позициях, и нежелания детей повседневно следовать всему комплексу религиозных и культурных установок. Эти процессы совпадают с периодом наиболее активного наступления советской власти на изолированный характер старообрядческих общин. В результате же репрессий в отношении наиболее крепких и независимых в хозяйственном отношении семей, а также целенаправленной образовательной, экономической и культурной политики за 1930-е гг. были принципиально изменены культурно-бытовые условия жизни семейского населения. К концу десятилетия в селах Тарбагатайского и Мухоршибирского аймаков функционировали школы, избы-читальни и пункты ликбеза, в полях периоды отдыха колхозных бригад обеспечивали культурные станы, практически во всех селах были закрыты церкви, работали комсомольские и партийные ячейки.

Однако наряду с отдельными фактами сопротивления властям, нежеланием вступать в колхозы активного меньшинства фиксируются примеры повсеместного равнодушия большей части населения к попыткам придать их каждодневной трудовой жизни идеологизированный характер. Это проявлялось в формальном отношении к своему членству в комсомоле и партии, неспособности пропаганды нарушить сформированный в повседневности людей религиозный календарь. Кроме того, юные старообрядцы в 1920-е гг. позитивно воспринимали коммунистические идеи (сужая их к возможностям доступа к образованию и изменению социального статуса), но в зрелые годы отходили от них, позитивно относясь при этом к улучшению окружающих условий жизни и прогрессу.

Отсюда можно сделать вывод что отношение к действительности у основной части местного старообрядческого населения в 1930-х гг. было продиктовано позицией социально одобряемого поведения, а не органичной встроенности в общегосударственную идею создания «советского» человека. Старообрядческая идентичность, утратив за эти десятилетия как негативные, отжившие формы своей самоорганизации (отказ от медицины, обучения, документации и т.д.), так и позитивные (многочисленные элементы культурной традиции и вероучения), сохранила общее чувство принадлежности к определенной религиозной системе, что позволило ей выжить и развиваться в атеистическом государстве подспудно.

Литература и источники

1. *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.
2. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М.: Изд-во Политиздат, 1970. Т. 2. 608 с.
3. Бурят-Монгольская правда. 1932. № 259, 7 нояб.
4. Бурят-Монгольская правда. 1936. № 273, 28 нояб.
5. Государственный архив Иркутской области. Ф. 565. Оп. 1. Д. 92.
6. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 961.
7. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2563.
8. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 11. Д. 131.
9. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 934.
10. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2973.
11. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 152.
12. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 153.
13. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2106.
14. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2586.
15. *Долотов А.А.* Старообрядчество в Бурятии. Бургосиздат. Верхнеудинск, 1931. 52 с.
16. *Полова А.М.* Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. 38 с.
17. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Издание Иркутского государственного университета. Иркутск, 1920. 88 с.
18. *Смулевич Б., Алмазова Ю.* Культурное строительство в СССР // Народное хозяйство СССР. Экономико-статистический журнал. 1932. № 7-8. С. 188–206.
19. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 212.

ХОМЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, Улан-Удэ (khomyakov777@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>).

Sergey V. HOMYAKOV

THE NEW WAY OF LIFE OF THE OLD BELIEVERS IN BURYATIA:
"LIFE HAS IMPROVED, LIFE HAS BECOME MORE JOYOUS"? (1930s)

Key words: national history, Old Believers, the Buryat-Mongol ASSR, Soviet power, communist ideology, atheistic campaign, organization of collective farms, cultural revolution, "Homo Sovieticus", new way of life.

Establishment of the Soviet power in Buryatia was another and the most painful factor in the decline of the lifestyle of one of the communities living here – the Old Believers. Having appeared in the region in the second half of the XVIII century, they managed to preserve their religious identity and cultural specifics, although already at the beginning of the XX century researchers noted trends of breaking with the most orthodox traditions and discontinuity of generational ties. In the 1920s, the Bolsheviks skillfully supported the protest wave of young people against the power of their parents, the desire to change their lives by leaving the confines of a closed community, as well as the idea of Old Believers about everyday life (built around the basis of their identity, the Old-Orthodox religion) as about the dark and hopelessly outdated. Already in the 1930s, the messages of the main newspaper of the republic – "Buryat-Mongol Pravda" – reported on the new happy life of not only young, but also elderly Old Believers who had abandoned religious prejudices and were in the forefront of building the Soviet society in the villages of Buryat-Mongolia.

The article considers the issue on what caused such a change in people's mentality: the ideological victory of the Soviet propaganda or a socially approved behavior (including cases of active and continued general passive resistance to a new life)? Hence, taking into account the desire of the current Old Believers to return and develop old traditions, the tasks of analyzing the external (everyday) changes of the 1930s in working life and searching for attempts to preserve (for further continuity) the identity of the social group are set.

The object of the study is the Old Believers' community of a part of the former Verkhneudinsky uyezd (since the 1930s – Tarbagataisky and Mukhorshibirsky aimaks of the Buryat-Mongolian ASSR), the subject is the ideological, cultural and religious processes that took place in their environment during the indicated period.

As a brief conclusion, it follows that the ideological campaign in Buryat-Mongolia, which continued in the 1930s, had a formal character in the Old Believer districts, which took place in the adoption of changes in the way of life while preserving the foundations of religious identity.

References

1. Bolonev F.F. *Starobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral Publ., 1994, 148 p.
2. Brezhnev L.I. *Leninskim kursom. Rechi i stat'i* [Lenin's course. Speeches and Articles]. Moscow, 1970, vol. 2, 608 p.
3. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1932, no. 259, Nov. 7.
4. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1936, no. 273, Nov. 28.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 565. Op. 1. Dokument 92* [State archive of the Irkutsk region. Archives 565. Anagraph 1. Document 92].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 961* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 961].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 2563* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 2563].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 248. Op. 11. Dokument 131* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 248. Anagraph 11. Document 131].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 475. Op. 1. Dokument 934* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 475. Anagraph 1. Document 934].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 2973* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 2973].
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 248. Op. 3. Dokument 152* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 248. Anagraph 3. Document 152].
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 248. Op. 3. Dokument 153* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 248. Anagraph 3. Document 153].
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 2106* [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 2106].

14. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 2586 [State archive of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 2586].
15. Dolotov A. *Staroobryadchestvo v Buryatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p.
16. Popova A.M. *Semeiskie (Zabaikal'skie staroobryadtsy)* [Trans-Baikal old believers]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1928, 38 p.
17. Selishchev A.M. *Zabaikal'skie staroobryadtsy* [Trans-Baikal old believers]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1920, 88 p.
18. Smulevich B., Almazova YU. *Kul'turnoe stroitel'stvo v SSSR* [Cultural construction in the USSR]. *Narodnoe hozyaistvo SSSR. Ekonomiko-statisticheskii zhurnal*, 1932, no. 7-8, pp. 188–206.
19. *Centr vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN. Fond 2. Op. 1. Dokument 212* [Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBT SB RAS. Archives 2. Anagraph 1. Document 212].

SERGEY V. HOMYAKOV – Candidate of Historical Sciences, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ulan-Ude (khomyakov777@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>).

Формат цитирования: Хомяков С.В. Новый быт стаообрядцев Бурятии: «жить стало лучше, жить стало веселее»? (1930-е годы) // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 4. – С. 165–175. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-4-165-175.